

Правило тинктур: о коллекциях, генеалогии и геральдике

Е. Ф. Королькова

Все в этом мире в конечном счете взаимосвязано невидимыми нитями – люди, события, вещи. Непредсказуемые повороты судьбы и причудливые стечения обстоятельств не всегда определяются лежащими на поверхности факторами и легко читаемыми причинно-следственными связями. Но внутренняя закономерность происходящего, сокрытая от нелюбознательного сознания, лишённого воображения, все же существует и так или иначе рано или поздно проявляется, открывая множество прелюбопытных тайн.

Сегодня геральдика – это особая дисциплина исторической науки, имеющая очень глубокие корни. Она зародилась в эпоху Средневековья на почве практической необходимости визуальной идентификации прежде всего воинской и родовой принадлежности рыцарства с его иерархической структурой и огромным значением кровных уз знати и генеалогии. Средневековое общество Западной Европы было строго регламентированным в социальном и духовном аспектах. Знатность, возведенная в культовый статус, требовала неопременного обозначения, которое наследовалось, как и титулы и фамильные реликвии. Возникновение этой традиции обычно относят к XII веку, датируя появление геральдики временем между Первым и Вторым крестовыми походами. Эта точка зрения считается общепринятой, несмотря на существование прежде различных абсолютно мифологических версий происхождения геральдики (включая отнесение ее зарождения к древности и временам короля Артура), а также более аргументированных, но впоследствии тоже отвергнутых мнений о генетической связи геральдики с германо-скандинавской эмблематикой.

Устоявшиеся представления о возникновении геральдики как явления не вызывают сомнений, однако кто знает, куда могут завести поиски ее начальных основ и как глубоки их истоки... В свое время итальянский историк Франко Кардини высказал весьма оригинальную гипотезу об истоках европейского рыцарства, образно выразив свою мысль фразой «ветер степи шумит в древе европейского рыцарства»¹. Эта идея, конечно, не вполне доказанная и не вполне принятая историками, имеет право на существование, поскольку чрезвычайно много параллелей прослеживается между правилами и традициями западноевропейских рыцарей и организацией общества конных воинов-кочевников. Разумеется, никакой геральдики как таковой у всадников степей не было, но яркие цвета геометрических орнаментов деревянных резных и наборных щитов из алтайских курганов скифского времени (Первый Туэктинский курган) вызывают определенные ассоциации с геральдическими тинктурами² (ил. 1).

Для сарматской культуры характерным явлением были родовые тамги, имевшие вид разнообразных графических знаков, которые часто выступали как владельческие символы. Например, ими маркировали многие предметы и даже таврили скот. Было бы неверным соотносить их напрямую с геральдическими символами, но сама идея визуального родового знаканомадам была знакома.

Неожиданно и с мифологическими образами рыцарей Круглого стола эпохи раннего Средневековья оказывается связана сарматская тема. Многие современные исследователи находят очень близкие параллели в историях рыцарей Грааля и в нартском эпосе. Образы короля Артура,

Ил. 1. Деревянный щит из Первого Туэктинского кургана. Воспроизводится по: Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. Табл. СХХVII

Ланселота и Персеваля демонстрируют очевидное сходство с Батразом, героем осетинского эпоса³. В генеалогии Персеваля, как и Ланселота, несколько раз повторяется имя Алан, которое напрямую увязывается с аланским проникновением на территорию Западной Европы в раннем Средневековье. Так, отца Персеваля звали Alain le Gros de la Vales⁴. В развитии некоторых сюжетных линий легенд о короле Артуре и его рыцарях прослеживается множество параллелей со сказаниями о нартах. Например, Персеваль, как и Галахад и Ланселот, впервые появившись в Камелоте, не умел ездить верхом, но очень быстро стал одним из лучших

всадников среди рыцарей Круглого стола. Точно так же в нартском эпосе рассказывается о Батразе, который, обучившись верховой езде, не расставался с конем. Все эти сюжетные переключки, скорее всего, носят неслучайный характер, и память об эпическом нартском герое Батразе скрывается под образами исторических персонажей времен аланской экспансии в Западную Европу, отразившись и в сказаниях о рыцарях Круглого стола⁵.

Еще не став наукой в полном смысле этого слова, геральдика уже была специфическим информационным полем и требовала специальных знаний. Она наполнена символикой и зашифро-

ванными смыслами, обладает своей внутренней логикой и отличается сложной, чрезвычайно регламентированной знаковой системой и специфической терминологией. Язык геральдических фигур, финифтей, металлов и мехов имеет разработанную структуру и понятен не каждому. Музыкой звучат забытые в иных сферах жизни архаические наименования геральдических цветов – червлень, зелень, лазурь, чернь, пурпур, – символизирующих храбрость и мужество, надежду, радость и изобилие, достоинство, силу и могущество, богатство, справедливость и великодушие. Финифтям соответствует и графическое выражение в виде различных штриховок и линейных комбинаций. Геральдический язык – это территория посвященных. Именно поэтому круг специалистов в этой области всегда был очень ограничен, а интерес к геральдике мог возникнуть только у людей особого склада, обладающих определенными качествами и склонностями. Геральдист должен не только иметь обширные исторические знания ученого, но и быть наделенным любознательностью коллекционера и влюбленностью романтика во все эти эмблемы и гербы, представляющие замысловатую символическую тайнопись прошедших веков и грозных событий.

Коллекции собираются людьми увлеченными и склонными к вдумчивой созерцательности, дотошной любознательности и разгадыванию исторических ребусов. Зачастую годы уходят на поиски тех или иных экземпляров, которые могут случайно попасться в антикварных лавках или на развалах старьевщиков, в собраниях других коллекционеров или в руках случайных людей, даже не подозревающих о ценности (совсем не материальной!) этих вещей и неспособных оценить их.

Но жизнь человеческая не бесконечна, и самое обидное то, что, когда коллекция уже сформировалась и превратилась в некий организм, ее подстерегает опасность быть развеянной и прекратить существование вслед за уходом коллекционера: потомки и наследники, увы, редко разделяют увлечения владельца и не всегда бережно относятся к делу его жизни. Примеров тому множество. Так, одна из самых уникальных коллекций сибирских древностей, собранная в конце XVII – начале XVIII века голландским ученым Николаасом Корнелизсоном Витсеном (1641–1717) и ставшая образцом для Петра I, возбудив его живой интерес к археологическим памятникам и художественным изделиям древних народов Сибири, после смерти Н. Витсена была продана

его наследниками на аукционе. С тех пор никаких сведений о судьбе вещей из этой коллекции найти не удалось, и само собрание, вероятно, навсегда утрачено. Не увенчались успехом даже усилия Петра I, предпринявшего попытку приобретения наследия Витсена для воссоединения его вещей с собственной царской коллекцией. То же самое происходит с сотнями коллекций, любовно собранных по крупицам, а потом вдруг осиротевших и не нашедших других надежных рук для продолжения их жизни и сохранения. Вещи, как и люди, имеют свою судьбу, счастливую или печальную.

Так случилось, что мой дед Николай Владимирович Корольков (1891–1942) был любителем-коллекционером и интересовался генеалогией и геральдикой. Будучи потомком двух обедневших дворянских родов, вписанных в VI родословную книгу, он собирал в архивах сведения по истории своих предков, среди которых переплелись ветви фамилий Корольковых и Засецких. Его рукой вычерчены схемы фамильного родства Засецких с XVI века.

Жизнь полна удивительных совпадений. Моя прабабка происходила из старинного рода Засецких и пребывала в убеждении, что род этот на ней угас и никаких других носителей этой фамилии быть не может. Но она, вероятно, ошибалась и однажды увидела на театральной афише фамилию своих предков...

Когда в 1973 году я поступила на работу в Эрмитаж лаборантом в Отдел истории первобытной культуры, как он тогда назывался, я встретила с Ириной Петровной Засецкой. Редкую, но так хорошо знакомую мне фамилию я никогда больше не видела. И. П. Засецкая, известный археолог, доктор исторических наук, отдала Эрмитажу 70 лет жизни и творчества. Долгие годы совместной работы она была и остается для меня учителем, другом и очень близким человеком. Однажды она рассказала мне любопытную историю. Ее отец Петр Иванович Засецкий (1899–1941), родом из Саратовской губернии, был талантливым тенором. Окончив Саратовскую консерваторию, он начал оперную карьеру и пел в разных театрах страны, включая Большой театр в Москве. С 1924 года его сценическая деятельность была связана с Ленинградом. До 1937 года он пел в Малом театре оперы и балета, имел звание заслуженного артиста. В 1937 году он уехал в Минск и работал в Минском театре оперы и балета, в 1938 году получив звание народного артиста Белорусской ССР. Ирина Петровна родилась в 1929 году, и, когда отец уехал

Ил. 2. Мундирные пуговицы из коллекции Н. В. Королькова

Ил. 3. Николай Владимирович Корольков. 1920-е

в Минск, была еще маленькой девочкой, а его трагическая гибель в 1941 году лишила дочку возможности узнать больше о нем и его жизни. Ее мама рассказывала ей об отце, в том числе и примечательный эпизод, связанный с появлением в 1924 году на афишах в Ленинграде его имени. Неожиданно увидев на афише фамилию Засецкий, его пригласила к себе некая пожилая дама с высокой прической и известной аристократической фамилией, которая не сохранилась в памяти то ли мамы, то ли самой Ирины Петровны. Дама поведала молодому артисту, что фамилия эта угасла и потому ее появление на афише вызвало у нее такой интерес. Эта история не имела продолжения, но, если учесть, что моя прабабушка, в первом браке Королькова, овдовев, вторично вышла замуж и носила фамилию Апраксина, а умерла она в Ленинграде в 1927 году, можно предположить с большой долей вероятности, что пожилой дамой была именно она. Действительно, все в этом мире взаимосвязано и переплетено непостижимыми нитями судьбы.

Дед мой покупал книги по геральдике и разные мелкие вещицы, которые в постреволюционное время оказались осколками рухнувшего прежнего мира с его социальной иерархией и ее обозначениями и разом потеряли всю свою фактическую, юридическую и материальную ценность. Родовые печати с дворянскими гербами больше ничего не могли удостоверить или скреплять, да

и их владельцы (если вообще были живы к тому времени), для которых эти печати некогда представляли предмет гордости, либо ушли в небытие, либо вынужденно расстались не только со своим социальным статусом, но и с самой идеей его подтверждать. Склонный к созерцательности и размышлениям человек, он стал коллекционировать эти эфемерные следы былой роскоши в виде личных печатей и мундирных пуговиц с гербами. Коллекция была не то чтобы большой, но из времен детства я помню с десяток печатей из разных материалов, с инициалами или с гербами, и множество металлических пуговиц от каких-то мундиров. Пуговицы были большие и маленькие и хранились в нескольких коробках (ил. 2).

Мой дед умер в марте 1942 года в блокаду, и я его знаю только по рассказам родственников и по фотографиям (ил. 3). Его интереса к геральдике никто не унаследовал, а собранная им коллекция естественным образом растаяла, отданная внукам в игру. Осиротев, маленькие вещицы вновь стали никому не нужными. Многочисленные переезды окончательно привели в исполнение приговор этим ничего не значащим для обычного человека и чуждым современной жизни в малогабаритных квартирах предметам, и они просто растворились во времени и пространстве, покинув старое жилище с высокими потолками, эркером и большими комнатами на Петроградской стороне возле Владимирского собора. Кажется, и сама

Ил. 4. Печать с гербом из коллекции Н. В. Королькова. Бронза

Ил. 5. Печать с гербом и инициалами из коллекции Н. В. Королькова. Яшма

Ил. 6. Печать с гербом из коллекции Н. В. Королькова. Горный хрусталь

душа моего деда, и следы его земной жизни остались где-то там, в покинутой старой квартире с эркером.

Но, к счастью, из всей его коллекции мое детское любопытство выбрало несколько предметов, чрезвычайно мне нравившихся, и это позволило продлить им жизнь, сберечь их до лучших времен. Возможно, старинные гербы на мундирных пуговицах, щиты и рыцарские доспехи на печатях (ил. 4) пробуждали во мне ассоциации с благородными и мужественными героями эпохи Крестовых походов из романов Вальтера Скотта. Сейчас мне кажется, что сохранением этих немногочисленных вещей из почти утраченной коллекции (ил. 5, 6) я продлеваю и память о моем деде, так как на земле уже не осталось людей, которые могли бы поддержать эту слабую тень человеческого существования. Эта коллекция, увлечение моего деда, оказалась тонкой ниточкой, связывающей прожитую им жизнь и его духовный мир с миром живых.

Моих познаний в азах геральдики не может хватить даже для попытки расшифровать символику этих гербов и тем более установить их законную фамильную принадлежность и статус владельцев. Кем они были, кому и чему служили в своих мундирах с блестящими металлическими пуговицами? Эти старинные пуговицы, как оказалось, не такие уж малозначимые предметы, и за ними просматривается множество персональных историй многих поколений различных

людей и фамилий, да и отечественная история вообще.

Остается уповать на то, что эти маленькие изящные вещи уцелели не напрасно и кто-нибудь, посвященный в тайны геральдики, сможет прочесть этот мало кому доступный язык. Основной специфический закон геральдики, получивший название правила тинктур, в иносказательном смысле приобретает значение некоего предписания соблюдать традиции и передавать по наследству следующим поколениям знамя сохранения памяти и культуры в целом.

¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельниковой. М., 1987. С. 19.

² Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. Табл. СХХVII.

³ Littleton C. S., Malkor L. A. From Scythia to Camelot: A Radical Reassessment of the Legends of King Arthur, the Knights of the Round Table, and the Holy Grail. New York; London, 2000. P. 133.

⁴ Ibid. P. 132.

⁵ Ibid. P. 281.